

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ: ГРАФЪ САЛАСЪ - ТУРНЕМИРЪ.

ПОЛЯРНАЯ

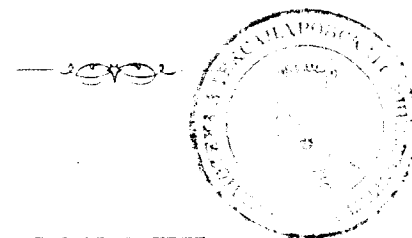
ЗВѢЗДА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО - ИСТОРИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ

Январь 1881 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНСЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1881.

прерывно длится, иначе она неизбежно убьет человека. Проклятья постепенно замирают и даже переходят в нѣжные, тоскующіе стоны. Но это лишь минутное затишье перед бурей. За тоскующимъ, тихимъ стenanьемъ раздается новый взрывъ страсти и страданья, новый стонъ, неизобразимый, рвущій сердце на части, стонъ человека, летящаго въ бездну...

Звукъ внезапно порвался.

Въ залѣ царитъ гробовое молчаніе, но въ глазахъ присутствующихъ замѣтно сильное смятеніе. Всѣ ожидаютъ чего-то ужаснаго, потому что всѣ разгадали тайну импровизатора. На него устремлены взоры оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса гостей.

А импровизаторъ, блѣднѣе смерти и съ растеряннымъ взглядомъ, держа скрипку въ правой рукѣ, медленно поднимается со стула. Выпрямившись во весь ростъ, онъ поражаетъ красотой своего лица и стройностью стана... и на мгновение замираетъ въ этой позѣ. Затѣмъ онъ взмахиваетъ скрипкой и, съ бѣшенною силой бросивъ ее къ ногамъ, разбиваетъ въ дребезги.

Всѣмъ кажется, что разбито нѣчто имѣвшее душу, нѣчто возвышавшее и возбуждавшее ко всему прекрасному души другихъ. И съ ужасомъ, тоской и сожалѣньемъ устремляются всѣ взоры на мелкія дребезги, въ которыя разлетѣлась дивная скрипка.

Но въ это мгновенье раздается отчаянный крикъ. Этотъ крикъ вырывается изъ груди невѣсты и заставляетъ перенести на нее общее вниманіе. Съ выраженіемъ безмѣрнаго ужаса и мольбы въ лицѣ, она простираетъ руки по направлению къ музыканту. Она даже дѣлаетъ къ нему нѣсколько шаговъ, какъ бы желая удержать его отъ чего-то ужаснаго.

Съ безумнымъ пламенемъ въ темныхъ очахъ, импровизаторъ стоитъ среди зала, держа въ рукѣ револьверъ. Вотъ онъ простираетъ руку впередъ и цѣлитъ въ свою возлюбленную...

Уже поздно предупредить несчастіе! Раздался выстрѣлъ и красавица-невѣста падаетъ!.. Другой выстрѣлъ поражаетъ самого Гинцбурга...

Выстрѣлы вѣрны... достигли своей цѣли... смерть скоро прекратитъ земныя страданія. Взоры умирающихъ встрѣчаются и... сколько любви, безконечно-нѣжной... всепрощающей любви, видитъ онъ вдругъ въ голубыхъ глазахъ красавицы.

— Зачѣмъ-же?.. Зачѣмъ?.. шепчутъ блѣдныя губы импровизатора.

Дм. Литошенко.

ГОСУДАРЬВЫ ПѢВЧИЕ ДЬЯКИ.

Православная церковь, для исполненія богослужебнаго пѣнія, всегда имѣла особыхъ пѣвцовъ при каждой епископской кафедрѣ и при каждомъ соборномъ или приходскомъ храмѣ. Эти пѣвцы принадлежали къ сословію священнослужителей и поставлялись іерархическою властію, отъ которой они, по каноническимъ правиламъ, находились въ зависимости.

Древній обычай православной церкви позволялъ пѣть въ храмѣ вмѣстѣ съ клиромъ народу. На этомъ основаніи въ русской церкви, съ самыхъ первыхъ временъ ея, православный народъ часто упражнялся въ пѣніи, любилъ его и вмѣстѣ съ клиромъ участвовалъ въ исполненіи при общественномъ богослуженіи. Такъ въ православныхъ храмахъ образовались пѣвцы-любители, не имѣвшие никакого іерархическаго поставленія. По любви къ церковному пѣнію, по ревности къ благолѣпію въ богослуженіи, пѣвцы-любители нерѣдко соединялись между собою въ большія или меньшія группы, и приблизительно составляли то, что нынѣ извѣстно подъ именемъ частнаго или вольнаго хора.

Съ утвержденіемъ русской столицы въ Москвѣ такой отдѣльный хоръ церковныхъ пѣвцовъ встрѣчается въ первый разъ при дворѣ великокняжескомъ, не ранѣе впрочемъ XV вѣка. Великокняжескіе пѣвцы считались въ придворной службѣ—дьяками и пользовались отъ двора опредѣленнымъ содержаніемъ. Во второй половинѣ XVI вѣка содержаніе царскихъ дьяковъ представляется уже въ довольно правильной системѣ. Царь Іоаннъ IV отличался особенною любовію къ церковному пѣнію *) и содержалъ при себѣ довольно значительное число дьяковъ.

*) Онъ вполне зналъ церковный знаменный распѣвъ на безлинейныхъ нотахъ и въ Александровой слободѣ занималъ своихъ пѣвчихъ дьяковъ положеніемъ на ноты такихъ стихиръ, которыя, по новости составленія, не имѣли еще нотнаго положенія. Самъ царь подавалъ въ этомъ примѣръ. Въ нотномъ рукописномъ Стихирарѣ клирика Логина, помѣщены стихиры на „Господи воззвахъ“ съ надписью: „твореніе царя деспота російскаго“.

Она часто, «за свое цареве и великаго князя казенное жалованье», награждала своих пѣвчихъ дяковъ даннымъ приставствомъ надъ монастырями.

Болѣе полное развитіе хора государевыхъ пѣвчихъ дяковъ совершилось въ XVII в. Къ этому времени относятся довольно подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ устройствѣ хора, а также о его содержаніи и значеніи. Они находятся въ рукописныхъ памятникахъ (столбцахъ), хранящихся въ архивѣ Московской оружейной палаты, которыми мы и воспользовались для настоящаго изысканія.

Дѣйствительное число государевыхъ пѣвчихъ дяковъ слѣдуетъ строго отдѣлять отъ крестовыхъ дяковъ и отъ пѣвчихъ, взятыхъ въ прибыль.

Крестовыми дяками въ XVII в. обыкновенно назывались псаломщики придворныхъ храмовъ, принадлежавшіе къ штату придворныхъ церковно-служителей. Они, по своему значенію, были выше пѣвчихъ дяковъ, потому что имѣли на себѣ іерархическое поставленіе, и потому, что получали высшее сравнительно съ пѣвчими дяками содержаніе. Имъ выдавались деньги окладныя, кормовыя, славленныя, причастныя и молебныя, а также причастныя сукна, на великій и на усупенскій посты. Поэтому въ крестовые дяки обыкновенно поступали только лучшіе по голосу пѣвчіе дяки, много уже времени послужившіе въ хорѣ.

Пѣвчіе дяки, взятые въ прибыль, были ниже дѣйствительныхъ государевыхъ пѣвчихъ дяковъ: они не значились въ окладныхъ книгахъ, потому что не были верстаны окладомъ. Въ 1668 г. пѣвчій дякъ Василій Ярославецъ писалъ: «взять я въ пѣвчіе дяки, а окладу мнѣ ничего не учинено, а которые моя братія пѣвчіе дяки окладомъ не поверстаны, и имъ даютъ изъ мастерской палаты по шести рублей денегъ человѣку, да съ казеннаго двора дѣлаютъ платье годовое, а мнѣ противъ моей братіи денегъ и платья на три года ничего не дѣлывано». Число неокладныхъ пѣвчихъ дяковъ простиралось отъ 7 до 10 человѣкъ. Цѣль, съ какою положено было имѣть такихъ пѣвчихъ въ хорѣ, очевидна: ими легче было замѣнять недостатокъ голосовъ, происходящій въ хорѣ и такимъ образомъ имѣть хоръ постоянно въ полномъ составѣ обученныхъ голосовъ. Пѣвчіе, не въ окладѣ, своею безвозмездною и иногда довольно продолжительною службою, приобрѣтали себѣ право занять первое убылое мѣсто штатнаго пѣвчаго.

Собственно же государевы пѣвчіе дяки составляли собою первоначально небольшой хоръ отъ 30 до 35 человѣкъ. Но этотъ хоръ

115
постоянно увеличивался въ своемъ составѣ. Около послѣдней четверти XVII вѣка хоръ государевыхъ пѣвчихъ дяковъ увеличился вдругъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился въ своемъ составѣ, такъ что изъ прежнихъ пѣвчихъ едвали осталась одна третья часть. Въ это время число государевыхъ пѣвчихъ дяковъ простиралось отъ 50 до 60, а къ концу вѣка достигло до 70 человѣкъ. Такое быстрое увеличеніе хора объясняется сильнымъ развитіемъ гармоническаго пѣнія въ хорѣ, а также увеличеніемъ числа придворныхъ храмовъ.

Весь хоръ государевыхъ пѣвчихъ дяковъ раздѣлялся въ XVII вѣкѣ на станицы, которыхъ бывало и шесть и семь. Въ каждой станицѣ числилось обыкновенно пять пѣвчихъ. Увеличеніе станицы допускалось только въ видѣ особаго исключенія. Дѣленіе пѣвчихъ на станицы имѣло чисто административное значеніе и тѣсную связь съ продолжительностію службы пѣвчаго, съ его голосовымъ совершенствомъ и искусствомъ въ исполненіи. Поэтому первыя двѣ станицы всегда состояли изъ пѣвчихъ, долго служившихъ въ хорѣ, и искусныхъ исполнителей богослужебнаго пѣнія. Въ этомъ же заключается главная причина и того, что каждая изъ этихъ двухъ станицъ составляла отдѣльный хоръ: при исполненіи богослужебнаго пѣнія, первая станица государевыхъ пѣвчихъ дяковъ всегда становилась на правый клиросъ, а вторая на лѣвый. Такое же церковное значеніе могли имѣть третья и четвертая станицы. Но его нельзя усвоить пятой и шестой станицамъ, потому что къ нимъ принадлежали новые, молодые, неопытные пѣвчіе, которые ни по совершенству голосовъ, ни по искусству въ исполненіи не могли составить никакого отдѣльнаго хора и составляли только полезное дополненіе опытнаго хора первыхъ станицъ. Такимъ образомъ въ общемъ смыслѣ станица имѣла ни болѣе, ни менѣе какъ одно административно-экономическое значеніе и опредѣляла только содержаніе, какое полагалось всякому пѣвчему, состоявшему въ окладѣ. Самыми почетными станицами считались первая и вторая и потому назывались большими станицами. Молодой пѣвчій, поступивъ въ царскій хоръ, зачислялся первоначально въ низшую, седьмую или шестую станицу и получалъ обыкновенно небольшое содержаніе; по мѣрѣ же службы своей и усердія къ ней, пѣвчій постепенно переходилъ изъ нижней станицы въ высшую, болѣе почетную, и, подвигаясь такимъ образомъ по установленной лѣстницѣ станицъ, достигалъ наконецъ до станицъ почетныхъ и до высшаго содержанія. Единственное повышеніе пѣвчаго первой станицы состояло въ награжденіи его чиномъ уставщика, или даже крестоваго дяка. Въ уставщики обыкновенно избирался пѣвчій первой станицы, кото-

рый обладалъ твердымъ голосомъ, большею частію баритономъ, имѣлъ опытное знаніе церковнаго пѣнія и всего порядка въ церковномъ богослуженіи. Подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ уставщика находились всѣ станицы государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ. Онъ, какъ полный начальникъ хора собственно въ художественномъ и церковномъ смыслѣ, обучалъ пѣвчихъ нотному пѣнію, управлялъ имъ, наблюдалъ въ немъ порядокъ, указанный церковнымъ уставомъ. Такимъ образомъ хоръ государевыхъ пѣвчихъ, съ своимъ уставщикомъ или начальникомъ, не смотря на видимое дѣленіе на станицы, представлялъ собою одно цѣлое.

Раздѣленіе полного хора государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ на станицы продолжалось до послѣдней четверти XVII вѣка. Въ это время государевы пѣвчіе дьяки получили новое дѣленіе, которое, уничтожая собою давній административный порядокъ, вводило въ управленіе хоромъ не внутреннее административное, но общее церковное правило. Сообразно съ нимъ весь хоръ пѣвчихъ дьяковъ былъ разчисленъ по придворнымъ храмамъ, такъ что изъ одного хора составилось столько отдѣльныхъ пѣвческихъ хоровъ, сколько находилось тогда придворныхъ храмовъ. По этому случаю образовалось званіе крестоваго пѣвчаго дьяка и явились крестовые пѣвчіе Спасскаго собору или Спаса Нерукотвореннаго Образа, — пѣвчіе церкви Иоанна Бѣлоградскаго или, въ послѣдствіи, церкви св. Пророка Иоанна Предтечи, — пѣвчіе Собору живоноснаго Христова Воскресенія, — пѣвчіе церкви преподобномученицы Евдокіи, что у него великаго государя вверху на сѣняхъ. Каждый отдѣльный хоръ состоялъ изъ 28, 12 и 13 человекъ, имѣлъ своего особаго уставщика, и при исполненіи богослужебнаго пѣнія, сообразно требованіямъ церковнаго устава, раздѣлялся на двѣ части, т. е. становился или на правомъ, или на лѣвомъ клиросѣ.

Вмѣстѣ съ симъ каждый особый хоръ, причисленный къ извѣстному придворному храму, получилъ и усвоилъ себѣ его значеніе, такъ что чѣмъ выше былъ придворный храмъ въ придворной іерархіи, тѣмъ большимъ почетомъ пользовался и приписанный къ нему хоръ. Такимъ образомъ во взаимныхъ отношеніяхъ между частными придворными хорами образовался, соответственно значенію придворныхъ храмовъ, особенный чинъ или порядокъ. Первенствующее мѣсто между всеми придворными хорами принадлежало пѣвчимъ дьякамъ спасскимъ. Эти степени разныхъ, нынѣ почти неудовимыхъ, правъ и преимуществъ, усвоенныхъ каждому придворному хору, создали между пѣвчими систему переходовъ изъ одного придворнаго хора въ другой.

Пѣвчіе, принадлежавшіе къ хору съ меньшимъ значеніемъ, естественно стремились принадлежать къ хору съ большимъ значеніемъ въ придворной іерархіи.

Отдѣльные придворные хоры, приписанные къ отдѣльнымъ придворнымъ храмамъ, очень скоро получили прочную самостоятельность и стали называться по лицамъ царствовавшаго дома. Въ актахъ, относящихся къ 1684 г., можно находить уже — пѣвчихъ дьяковъ государыни царицы Наталіи Кирилловны и государыни царицы Марѣи Матвѣевны, а также пѣвчихъ дьяковъ великаго государя Иоанна Алексѣевича, — пѣвчихъ дьяковъ великаго государя Петра Алексѣевича, — пѣвчихъ дьяковъ великіе княжны Евдокіи Алексѣевны. Частныя названія придворныхъ хоровъ нѣсколько позднее получили большую силу и оставались за пѣвчими даже въ началѣ XVIII вѣка. Каждый частный хоръ придворныхъ пѣвчихъ состоялъ изъ 20 человекъ. Собственно государевы пѣвчіе были лучшими по своимъ голосамъ и по искусству въ исполненіи, и потому въ средѣ прочихъ придворныхъ пѣвцовъ считались самыми почетными.

Съ государевыми пѣвчими дьяками въ церковномъ отношеніи могъ соперничать только хоръ патриаршихъ пѣвчихъ дьяковъ, потому что только этотъ хоръ стоялъ во главѣ всѣхъ прочихъ церковныхъ хоровъ, существовавшихъ въ XVII вѣкѣ. Дѣйствительно, хоръ государевъ и хоръ патриарховъ, во все продолженіе XVII вѣка, находились въ постоянномъ между собою соприкосновеніи, и несмотря на свою взаимную независимость, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Оба эти хора неоднократно и безъ всякаго препятствія мѣнялись своими членами. Переходъ изъ патриаршихъ пѣвчихъ въ государевы пѣвчіе считался выше и почетнѣе. Государевы пѣвчіе при исполненіи богослужебнаго пѣнія, вмѣстѣ съ патриаршими пѣвчими всегда имѣли предъ ними особенное преимущество. Оно состояло въ томъ, что государевы пѣвчіе въ храмѣ всегда занимали правый клиросъ и начинали пѣніе, а патриаршіе пѣвчіе при этомъ становились на лѣвсомъ клиросѣ, т. е. на менѣе почетномъ мѣстѣ. Въ крестныхъ ходахъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, когда наблюдался особенно строгій порядокъ, государевы пѣвчіе, какъ старшіе, всегда шли послѣ патриаршихъ пѣвчихъ, какъ младшихъ. При погребеніи царевны и великой княжны Ирины Михайловны и царя Θεодора Алексѣевича предъ иконою шли патриаршіе пѣвчіе дьяки, а предъ гробомъ за патриархомъ шли и пѣли государевы пѣвчіе дьяки.

Въ гражданскомъ отношеніи государевы пѣвчіе дьяки пользовались всеми правами и преимуществами лицъ, состоявшихъ на служ-

бѣ при царскомъ дворѣ. Они принадлежали къ придворнымъ чинамъ, такъ что въ современныхъ указахъ о томъ, кому изъ придворныхъ чиновъ и сколько давать жалованья, всегда упоминались пѣвчіе дьяки и «нарѣчнаго пѣнія писцы». Жалованье государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ причислялось къ дворцовымъ расходамъ. Такое значеніе пѣвчихъ дьяковъ при царскомъ дворѣ совершенно ограждало личность каждаго пѣвчаго дьяка, ибо общій гражданскій законъ повелѣвалъ «за безчестье разныхъ чиновъ платить имъ противъ ихъ окладовъ, что кому государева жалованья». вмѣстѣ съ тѣмъ государевы пѣвчіе дьяки, пока находились въ хорѣ, постоянно сохраняли за собою права, принадлежавшія имъ или по рожденію, или по государственной службѣ. Пѣвчіе изъ дворянъ пользовались правомъ имѣть помѣстья и крѣпостныхъ людей, а также принимать на нихъ служилыя кабалы. Въ 1679 г. стреманный конюхъ Матей Поляниновъ пожалованъ былъ въ пѣвчіе дьяки, но не лишень былъ права на помѣстья, которое по уложенію соединялось съ званіемъ стреманнаго конюха. При царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, права на холопство распространены были на всѣхъ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ. Въ это время состоялось дозволеніе пѣвчимъ дьякамъ имѣть при себѣ холопство изъ вольныхъ людей, кто къ нимъ «станеть въ холопство битъ челомъ». Холопство при пѣвчихъ дьякахъ закрѣплялось служилыми кабалами, которыя выдавались въ Приказѣ холопья суда, «и въ городѣхъ, и въ сѣзжихъ избахъ».

Для государева пѣвчаго состояннаго не въ окладѣ, было великимъ торжествомъ, когда онъ получалъ извѣстіе о пожалованіи его въ пѣвчіе дьяки, т. е. о назначеніи ему опредѣленнаго содержанія. Содержаніе пѣвчаго дьяка, по современнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, представлялось содержаніемъ, вполне удовлетворительнымъ даже для семейной жизни.

Государевы пѣвчіе дьяки имѣли свои собственные дома и дворы, которые находились въ разныхъ мѣстностяхъ столицы и иногда въ значительномъ разстояніи отъ царскаго дворца. Тогда какъ одни пѣвчіе дьяки жили межъ Тверской и Никитской улицъ, или за Пречистенскими воротами—другіе находились за Москвою рѣкою, т. е. отстояли отъ мѣста службы пѣвчихъ, Кремля и дворца, по крайней мѣрѣ версты на двѣ, если не болѣе. Собственные дома государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ не отличались ни своею обширностію, ни своею цѣнностію,—нерѣдко находились на бѣлой или тяглой землѣ и въ послѣднемъ случаѣ оплачивались еще довольно высокимъ ежегоднымъ оброкомъ.

Само собою разумѣется, что государевы пѣвчіе дьяки могли имѣть собственные дома и дворы только тогда, когда получали ихъ по наслѣдству, или приобрѣтали покупкою. Немногіе изъ нихъ могли признать Москву своею родиною; немногіе также являлись въ Москву съ достаточными денежными средствами. Большая часть государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ приходила въ Москву изъ разныхъ, болѣе или менѣе, отдаленныхъ мѣстъ, и притомъ съ крайне ограниченнымъ достаткомъ. Такіе пѣвчіе, по издавна заведенному порядку, получали для жительства своего или порожнее дворовое мѣсто или совсѣмъ готовый дворъ и домъ.

На данномъ дворовомъ мѣстѣ, которе ничѣмъ не было занято и лежало пустыремъ, государевы пѣвчіе дьяки строили дома единственно на собственные средства, или съ небольшимъ пособіемъ отъ государевой казны.

Готовые дома для государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ находились въ вѣдѣніи Приказа большаго дворца и Приказа тайныхъ дѣлъ. Они были старые и новые. Старые дворы оставались послѣ пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ; эти дворы, вѣроятно, не отличались особенною прочностію. Покупка готовыхъ домовъ для пѣвчихъ дьяковъ производилась Приказомъ тайныхъ дѣлъ, болшею частію по низкой, а иногда и по довольно высокой цѣнѣ. Дворы, данные государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, были не очень обширны, отъ 25 до 70 кв. сажень. Понятно, что на такомъ ограниченномъ пространствѣ не могло быть значительныхъ построекъ. Въ каждомъ данномъ домѣ обыкновенно помѣщался одинъ государевъ пѣвчій дьякъ; но бывали примѣры, что временное владѣніе однимъ домомъ предоставлялось двумъ и тремъ пѣвчимъ дьякамъ вмѣстѣ. Передача домовъ отъ одного пѣвчаго къ другому, не только по смерти, но даже еще при жизни стараго владѣльца, составляла очень обыкновенное явленіе въ XVII в.

Временные владѣльцы не имѣли права продавать данный домъ и закладывать его. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ пѣвчіе дьяки распоряжались даннымъ домомъ, какъ полные хозяева-собственники, заботились объ улучшеніи и поддержкѣ своего жилища, производили въ немъ необходимыя перемѣны и исправленія, пользуясь иногда небольшимъ пособіемъ отъ царской казны. Въ 1680 г. великій государь указалъ Собору Спаса Нерукотвореннаго Образа да церкви Преподобномученицы Евдокии и Ісаанна Бѣлоградскаго, что у него въ верху протопопу, священнику и дьякономъ и крестовымъ и пѣвчимъ дьякомъ 74 человекъ изъ приказа каменныхъ дѣлъ дать своего государева жалованья кирпичу пѣвчимъ дьякомъ по 500 кирпичей че-

ловѣку, а деньги за тотъ кирпичъ указалъ изъ приказа своей мастерской палаты въ приказъ каменныхъ дѣлъ взять по своей государевѣ цѣнѣ, по 26 алтынѣ по 4 деньги, т. е. по 1 р. 80 к. «Послѣ пожаровъ, которые въ XVII в. были очень нерѣдки въ Москвѣ, пѣвчіе дяки, лишившіеся даннаго дома, на мѣстѣ его строили себѣ новое жилье на собственные деньги.

Суммы, которыя выдавались пѣвчимъ дякамъ, составляли жалованье окладное, хлѣбное и славленое. Въ 1671 г. государь царь Алексѣй Михайловичъ указалъ „пѣвчему дяку Прокофью Никитину быть въ 3-ей станицѣ въ путникахъ и въ годовомъ денежномъ и въ хлѣбномъ жалованьи, и въ славленныхъ деньгахъ“.

Годовое денежное жалованье, или денежный окладъ, выдавался пѣвчимъ дякамъ изъ казеннаго приказа, въ разныхъ размѣрахъ, соотвѣтственно станицѣ и значенію пѣвчаго въ станицѣ. Пѣвчіе дяки первой станицы получали большее денежное жалованье, послѣдней станицы—меньшее. Количество большаго и меньшаго жалованья въ VII вѣкѣ также было различно. Въ 1659 году большій окладъ не превышалъ 6 р., а меньшій—3 р.; но, въ продолженіе всего повѣка постоянно и постепенно возвышался, въ 1701 году большій денежный окладъ достигъ до 100 р., и меньшій до 28 р.

Хлѣбное жалованье первоначально состояло изъ опредѣленнаго количества ржи и овса. Но въ 1682 году состоялось повелѣніе выдавать пѣвчимъ дякамъ за хлѣбъ деньгами. Эти деньги назывались иногда кормовыми и выдавались по окончаніи года.

Славленные деньги собирались пѣвчими дяками въ праздники Рождества Христова и Пасхи. Наканунѣ Рождества Христова дяки приходили къ государю царю, часу въ 3-емъ ночи, вмѣстѣ съ патріаршими пѣвчими дяками, и „государь жаловалъ ихъ питьемъ ковшами“. На другой день Пасхи пѣвчіе дяки приходили къ Царю вмѣстѣ съ причтами придворныхъ храмовъ, и послѣ славленья, «государь жаловалъ къ рукѣ и яйца и уставщиковъ, и пѣвчихъ и крестовыхъ дяковъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвчіе дяки получали славленое. Въ первую половину XVII в. каждый пѣвчій получалъ славленое особо и въ количествѣ, которое соразмѣрилось съ большимъ или меньшимъ искусствомъ въ пѣніи. «Царь давалъ имъ иногда по 5 р. человѣку, а иногда по полтинѣ, и сверхъ того жалованья иному даже изъ собственныхъ рукъ рубль или два, если какой вспѣвакъ особенно отличался» *). Въ послѣдствіи дача славленаго по рукамъ замѣнена

*) Забѣлина. Домашній бытъ Русскаго народа. М. 1862 г. т. I, стр. 308.

121
была постоянною и опредѣленною выдачею славленныхъ денегъ изъ Приказа большаго дворца. Послѣ государя царя, пѣвчіе его ходили славить Христа къ царицѣ, царевичамъ, царевнамъ и къ патріарху: отсюду выдавались имъ славленныя деньги, которыя съ точностію записывались въ расходныхъ книгахъ. Въ 1697 г. «26 декабря послѣ литургіи благовѣрная государыня царица великая княгиня Прасковья Федоровна выдала славленаго уставщику Федоту Ухтомскому одинъ рубль, пѣвчимъ дякамъ 2 р. 16 алт. 4 деньги, крестовымъ дякамъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ». Кромѣ того государь назначалъ своимъ пѣвчимъ дякамъ славить Христа у дяковъ, служившихъ въ разныхъ современныхъ приказахъ. «Въ 1677 г. нѣкоторые изъ дяковъ не пустили было къ себѣ государевыхъ славильщиковъ; по этому случаю велѣно было сказать имъ, что они учинили то дуростію своею не гораздо, и такого безстрашія никогда не бывало, что его государевыхъ пѣвчихъ дяковъ, которые отъ него великаго государя славить ѣздятъ, на дворы къ себѣ не пушать; и за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно, и никакихъ почестей и помянокъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать. А буде кто, чрезъ сей его государевъ указъ объявится въ самомъ маломъ взяткѣ, или корысти, и имъ за то быти въ наказаньи». Попеченія о числѣ мѣстъ, гдѣ бы могли славить государевы пѣвчіе дяки, а равно и о количествѣ выдаваемаго имъ славленаго не прекращались и не оставались безплодными и въ послѣдующія ближайшія времена.

Одежда государевыхъ пѣвчихъ дяковъ, покроемъ своимъ, а также по матеріаламъ, изъ которыхъ она изготовлялась, имѣла весьма замѣтное однообразіе, такъ что составляла какъ бы опредѣленную форму для всѣхъ пѣвчихъ дяковъ, служившихъ при царскомъ дворѣ. Государевы пѣвчіе дяки, кромѣ бѣлья, постельнаго прибора и сапоговъ, получали платье прихожее, ходильное, доброе и проѣзжее.

Платье прихожее выдавалось пѣвчему изъ Мастерской палаты немедленно по вступленіи его въ Государевы пѣвчіе. Оно состояло изъ четырехъ кафтановъ, шапки, рукавицъ и суконныхъ аглицкихъ штановъ.

Одна пара кафтановъ (однорядокъ) была верхнею, а другая исподнею. Верхніе кафтаны были суконные, одинъ подкармазиновый съ бѣличьимъ хребтовымъ исподомъ и шестью серебряными, иногда вызолоченными, пуговицами, другой—суконный аглицкій съ русачьимъ исподомъ. Исподніе кафтаны были матерчатые: тягтянный съ шестью серебряными пуговицами, и киндячній съ пуговицами шелковыми.

Шапка и рукавицы дѣлались изъ сукна; на шапку нашивался

соболь, — а рукавицы были съ песцовымъ исподомъ и бобровою по краймъ опушкою. Все прихожее платье обходилось, по тогдашнему въ 20 р. и выдавалось или въ готовомъ видѣ, т. е. уже сшитымъ, или въ ту же цѣну одними матеріалами. Платье ходильное или носильное выдавалось обыкновенно для ежедневнаго употребленія. Оно состояло изъ однорядки, двухъ фerezей, двухъ кафтановъ, штановъ, шапки и рукавиць. Ходильная однорядка изготовлялась изъ сукна вишневаго или полукармазина, съ хомзяною нашивкою, серебрянными пуговицами и подушкою изъ дорогъ (матеріи). Ходильныя фerezы, холодная и теплая, были изъ киндяка. Холодная фerezь — съ шелковыми нашивками, подкладывалась крашениною. Теплая фerezь, съ шелковыми завязками, подкладывалась мѣхомъ, или просто русачьимъ (заячьимъ), или бѣлымъ хребтовымъ съ червьими рукавами и бобровою выпушкою.

Кафтаны, которые иначе назывались зинномъ или полукафтаниемъ, холодный и теплый, дѣлались изъ дорогъ съ пуговицами, обшитыми золотомъ. Теплый дорогильный кафтанъ, кармазиноваго цвѣту, настилася хлопчатою бумагою, подкладывался крашениною съ выпушкою изъ киндяка. Штаны изготовлялись изъ атлицкаго сукна, багрецоваго или краснаго цвѣта. Шапка ходильная была суконная, съ бобровымъ или собольимъ околomъ и камчатною тульею. Рукавицы дѣлались изъ сукна, съ лисьими исподами и бобровыми обочинами. Все ходильное платье обходилось обыкновенно въ 17 рублей и 19 алтынъ, т. е. въ 17 р. 57 коп.

Доброе платье выдавалось дякамъ для употребленія его въ праздничные и торжественные дни. Пѣвчіе дяки надѣвали его только въ господскіе праздники и въ государскіе именины. Доброе платье состояло изъ однорядки, двухъ фerezей, двухъ полукафтаниевъ и шапки. Добрая однорядка строилась изъ сукна вишневаго и свѣтловишневаго, кармазина добраго. Она имѣла завязки (плетешекъ) шелковыя, въ столбцахъ и въ кистяхъ золото; тафтяную нашивку (торочекъ), 14 пуговиць серебряныхъ, золоченыхъ или съ финифты; обшита была 12 арш. золотнаго галуна, подпущивалась камчаткою, зеленою камкою или атласомъ. Добрыя фerezы — холодная и теплая — изготовлялись изъ кармазина. Исподы теплой фerezы — бѣлыя хребтовые съ пухи. У обѣихъ фerezей — завязки шелковыя и кисти шелковыя съ золотомъ, около шеи — плетешекъ золотной, подкладка крашенинная. Полукафтание доброе, или иначе кафтанъ, изъ камчатки, тафты и атласа, подкладывалось крашениною или киндякомъ, подпущивалось дорогами или тафтою, обшивалось 12 арш. галуна — зо-

лото съ серебромъ и узлами — снурокъ золотной, съ пуговицами или серебряными или обшивными золотомъ. Бархатная червчатая шапка имѣла околы собольи, тулья дорогильные. Все устройство праздничнаго платья съ матеріаломъ и работою обходилось въ 23 и 24 тогдашнихъ рубля.

Прѣзжее или походное платье устраивалось пѣвчимъ дякамъ для путешествій съ царемъ, довольно частыхъ въ XVII в. Царскіе походы, или объѣзды, лѣтніе и зимніе, были близкіе и дальніе. Къ близкимъ походамъ должно отнести походы въ село Коломенское и на Воробьевы горы. Въ 1675 г. 8 іюля, великій государь праздновалъ Пречистой Богородицѣ Казанской въ селѣ Коломенскомъ, а 27 августа слушалъ объѣду на Воробьевой горѣ въ полотняной церкви, и въ оба эти дни пѣли пѣвчіе великаго государя, на оба клироса. Дальніе походы совершались государями царями въ Переславль, Колязинъ, Кашинъ, Соловецкій монастырь, въ Азовъ, Дербентъ и на Воронежъ. Но чаще всего царскіе походы предпринимались въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Во всѣхъ этихъ походахъ участвовали и пѣвчіе дяки, въ количествѣ 12 и 25 человекъ. Нѣкоторые изъ троицкихъ походовъ начинались торжественнымъ всеобщимъ выѣздомъ. Въ 1680 г. 21 сентября царь Ѳедоръ Алексѣевичъ предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Троицкій монастырь ходилъ на молитву въ Успенскій соборъ. «А съ его государева двора въ то время ѣхали Кремлемъ въ Спаскія ворота уставщикъ Павелъ Михайловъ, за нимъ пѣвчихъ дяковъ 10 человекъ по 3 человека въ рядъ въ греческомъ платьѣ; за тѣмъ везли крестовый возокъ; за возкомъ ѣхали пѣвчіе жъ дяки Осинъ Сѣдой съ товарищами; за нимъ ѣхали пѣвчіе по 2 человека въ рядъ, въ греческомъ платьѣ; за ними ѣхали Спасскаго собора Нерукотвореннаго Образа, что у него, великаго государя, вверху, протопопъ Иванъ Лазаревъ, того жъ собора священники и дяконы въ каретѣ, а за каретою пѣвчихъ три человека». По случаю походовъ, пѣвчимъ дякамъ выдавались на дорогу деньги и дорожное платье, которое въ сохранившихся записяхъ извѣстно подъ именемъ платья проѣзжаго или на проѣздъ. Оно состояло изъ доломана, курты да полкурты, епанчи, кафтана и рукавиць.

Сроки для cadaго платья сообразовались съ болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ его. Ходильное платье должно было служить два года, а праздничное — четыре года. Практика вполне оправдывала положеніе сроковъ. Многіе пѣвчіе, по минованіи сроковъ, часто вовсе не брали новаго платья или брали его не вполне, и за то получали или деньги или другіе товары. Довольно рѣдки примѣры того,

когда пѣвчіе поставлены были въ необходимость говорить, что они одержанкою обносились и выбрести имъ стало не въ чемъ. Въ такомъ случаѣ не рѣдко старое платье для пѣвчихъ чипали, разставляли и подставляли.

Главнымъ пособіемъ къ содержанію одежды въ должномъ порядкѣ служили пѣвчимъ, такъ называемыя, годовыя сукна. Годовое сукно выдавалось пѣвчимъ дякамъ съ казеннаго двора погодно или «по все годы». Оно было аглицкое разныхъ цвѣтовъ, смотря по тому какіе были въ привозѣ.

Независимо отъ того содержанія, какое пѣвчіе дяки получали какъ бы по штату, въ самомъ опредѣленномъ количествѣ, они весьма часто имѣли случай пользоваться отъ царя содержаніемъ приказнымъ, т. е. такимъ, которое назначалось одновременно, въ приказъ, или, что тоже, въ видѣ награды. Въ 1683 г. «великіе государи указали дать пѣвчому дяку Ларіону Бурмистрову въ приказъ 10 аршинъ камки жаркой, а иному никому та дача невообразецъ». Такіе подарки или награды «невообразецъ» бывали для пѣвчихъ дяковъ не рѣдки. Въ 1678 г. «царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ пѣвчаго дяка Никифора Симонова, велѣлъ ему дать изъ своей великаго государя сѣдельной казны сѣдло съ войлоки».

Различныя царскія награды, раздававшіяся пѣвчимъ дякамъ, всегда имѣли какой-либо поводъ, въ связи съ которымъ самыя награды дѣлались для пѣвчаго дяка болѣе памятными и дорогими. Современный строй жизни представлялъ не мало поводовъ къ наградамъ.

Когда при царскомъ дворѣ часто совершались различныя торжества, то радостныя, то печальныя, какъ напр.: рожденіе, крещеніе или погребеніе особъ царскаго семейства, пѣвчіе дяки являлись участниками царскаго торжества собственно со стороны церковно-обрядовой. Часто это выходило за предѣлы прямыхъ обязанностей пѣвчаго дяка и потому давало царю поводъ наградить своихъ пѣвчихъ, выдать имъ подарокъ въ приказъ, а не въ обладъ, т. е. не въ счетъ окладнаго опредѣленнаго жалованья. По кончинѣ государей и прочихъ лицъ царскаго семейства, пѣвчіе дяки, вмѣстѣ съ дяками крестовыми, въ продолженіе 40 дней читали псалтирь. «Въ 1678 г. іюля 30 дня, по указу великаго государя Царя Ѳеодора Алексѣевича, розданы великаго государя жалованья за говоренье псалтири уставщику и крестовымъ и пѣвчимъ дякамъ, которые въ соборной церкви Архангела Михаила говорили псалтирь по отцѣ ево государеве блаженныя памяти по великомъ государѣ царѣ и великомъ

125
князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ». Царь, немедленно по кончинѣ каждого патріарха, «своего отца и богомольца», имѣлъ обычай посылать первую и вторую станицу, т. е. лучшихъ своихъ пѣвчихъ на выносъ и отпѣваніе патріарха. Этимъ оказывался послѣдній долгъ почтенія и уваженія къ почившему іерарху русской церкви. Пѣвчіе же государевы въ этомъ случаѣ удостоивались получать награду, источникомъ которой служила казна, остававшаяся послѣ патріарха. На выносѣ тѣла патріарха Иосафа, 29 ноября 1640 г., была первая станица государевыхъ пѣвчихъ дяковъ и получила 1 р. 50 к.; на погребеніи того же патріарха были двѣ станицы государевыхъ пѣвчихъ дяковъ и получили первая станица три рубля, а вторая два рубля пятьдесятъ копѣекъ. Всѣ подобныя награды выдавались, какъ бы должныя вознагражденіи, за частную службу дяковъ и представлялись тогда столь естественными, что сами дяки осмѣливались просить о нихъ. Въ челобитной 1650 г. къ Государю Царю пѣвчіе писали: «какъ Богъ даровалъ царевича князя Дмитрія Алексѣевича и намъ за крещеніе дано противъ прежнихъ дачъ, пожалуй и нынѣ насъ для своего многолѣтнаго здравія и для царевны Евдокіи Алексѣевны за крещеніе, какъ тебѣ Богъ извѣститъ».

Такимъ образомъ ни одинъ трудъ пѣвчаго дяка, не имѣвшій, повидимому, прямой связи съ исполненіемъ богослужебнаго пѣнія въ придворныхъ храмахъ, не оставался безъ награды отъ царя. Причѣмъ этого, въ разныхъ видахъ, принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ въ XVII в. Въ 1659 г. велѣно было «дать изъ Мастерскіе палаты государева жалованья ево государевымъ крестовымъ и пѣвчимъ дякамъ за то, что они встрѣчали Образъ Спасовъ, что былъ съ бояриномъ съ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукова стоварици; да Образъ Пречистыя Богородицы, что былъ на свейскомъ посольствѣ съ бояриномъ со княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ стоварици, и Образъ Пречистыя Богородицы Владимірскіе полоцкіе провожали съ Москвы». Въ томъ же году царь Алексѣй Михайловичъ «пожаловалъ пѣвчаго дяка Ивана Никифорова съ казеннаго двора пять аршинъ тафты для того, что онъ поднесъ ему св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви праздникъ», т. е. праздничную икону.

Вмѣстѣ съ симъ дяки пользовались отъ Царя такими наградами, которыя могутъ быть объяснены единственно только царскою милостію. При этомъ не забывались даже ближайшіе родственники пѣвчаго, которые сами лично никогда не принадлежали и не могли принадлежать къ хору пѣвчихъ дяковъ.

Тотъ же самый видъ царской милости, выражавшійся въ разныхъ наградахъ и поощреніяхъ, принималъ по кончинѣ пѣвчаго особенное значеніе царской благотворительности. Вдовы пѣвчаго дьяка, вскорѣ по кончинѣ его, получали все заслуженное и еще не принятое имъ денежное и хлѣбное жалованье и годовое сукно, а не рѣдко также особья деньги на необходимые расходы при погребеніи умершаго.

Сироты государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ попеченіемъ власти распредѣлялись по разнымъ мѣстамъ, соотвѣтственно ихъ способностямъ и познаніямъ. Тѣ изъ нихъ, которые умѣли читать и писать, опредѣлялись къ служилымъ мѣстамъ. Такъ, папр., сынъ пѣвчаго дьяка Луки Алексѣева, несмотря на то, что былъ еще «въ малыхъ лѣтахъ и ни въ какой чинъ не пожалованъ», опредѣленъ былъ «въ Мастерскую палату, въ молодья подъячишки». Но какъ грамотности въ то время не особенно была развита, то дѣти пѣвчихъ дьяковъ причислялись только по царскимъ богомольцамъ на полное содержаніе Царя. Сынъ пѣвчаго дьяка, сирота Сенька Ивановъ въ 1687 г. пожалованъ былъ въ царскіе богомольцы и вѣдно ему быть вверху. Ему дали кожаный тюпакъ, набитый оленью шерстью, потому что онъ жаловался, что ему «*постлать и одѣться нечимъ*».

Государевы пѣвчіе дьяки избирались большею частію уже изъ пѣвчихъ, много времени служившихъ въ другихъ современныхъ хорахъ и прославившихся своимъ голосомъ и знаніемъ церковнаго пѣнія. Хоръ святѣйшаго патріарха не рѣдко уступалъ свои лучшіе голоса хору государевыхъ пѣвчихъ. Примѣру патріарша хора подражали и прочіе хоры русскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, такъ что въ хорѣ Государевыхъ пѣвчихъ всегда можно было встрѣтить отборные голоса изъ всей Россіи. Въ это время всѣ значительныя области и города имѣли своихъ родичей въ Государевомъ хорѣ. Государевъ пѣвчій дьякъ Максимъ Аванасьевъ происходилъ изъ Сибири и принадлежалъ къ хору сибирскаго архіепископа. «Въ прошломъ 1691 г., писалъ онъ въ своей челобитной къ государю, волею я въ Сибирь, по твоему указу, по женишку и по дѣтишекъ больша года, и безъ меня моей братьѣ молодымъ пѣвчимъ дьякомъ дѣлано платѣ ходильное, а я, волочася въ Сибирь, что было денжонъ и платышка, и то все изпроѣхалъ и обдолжалъ великими долгами, а указано было на подъемъ денегъ дать сибирскому архіепископу Симеону, и мнѣ денегъ не дано ничего, а прѣбдучи къ Москвѣ четвертой годъ скитаюсь межъ дворъ. Пожалуй, для своего царскаго многолѣтнаго здоровья и для ради своего ангела Алексѣя человѣка Божія, вели противъ моей братьи мнѣ сдѣлать платѣ для моей скудости».

127

О качествахъ голосовъ въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ современные акты упоминаютъ очень кратко; но и эти свѣдѣнія, при всей своей краткости, становятся довольно ясными, когда они будутъ надлежащимъ образомъ сопоставлены съ самыми нотными книгами, по которымъ государевы пѣвцы исполняли свое пѣніе въ храмѣ. Въ первую и отчасти вторую половину XVII в. въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ находились *установщики, демественники, вершники, нижники, путники*. Названіе установщика, какъ мы уже видѣли, принадлежало главному или начальному пѣвческому и означало болѣе его обязанность руководить хоръ во время пѣнія; онъ всегда избирался изъ твердыхъ голосовъ, большею частію баритоновъ. Прочія же названія даны пѣвчимъ дьякамъ отъ ихъ умѣнья пѣть по строчнымъ безлинейно-нотнымъ книгамъ, т. е. такимъ, гдѣ надъ одною строкою текста находилось двѣ, три, а иногда и болѣе строкъ безлинейныхъ нотныхъ знаковъ. Пѣвчій, исполнявшій верхнюю строку, назывался вершникомъ, среднюю—путникомъ, а нижнюю—нижникомъ. Рѣдко пѣвчій зналъ только свою строку или голосъ и не могъ пѣть другія строки, а между тѣмъ существовавшей обычай требовалъ, чтобы каждый пѣвчій зналъ всѣ строки, находившіяся въ строчной нотной книгѣ. Такой пѣвчій, который, путемъ долгаго изученія и естественной способности своего голоса, достигалъ возможности исполнять съ одинаковымъ удобствомъ всѣ три строки и умѣлъ еще пѣть четвертую, извѣстную подъ именемъ «демества», назывался демественникомъ. Демественникъ поэтому почитался выше путника, вершника и нижника. Въ послѣдней четверти XVII в., когда пѣніе по партесамъ значительно усилилось въ хорѣ и почти вполне замѣнило собою старый видъ строчнаго пѣнія, въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ встрѣчаются названія басъ, альтъ, теноръ, дискантъ. Эти голоса первоначально набирались въ Кіевѣ и другихъ южныхъ и юго-западныхъ нынѣшнихъ губерніяхъ, а потому по преимуществу изъ епархіи новгородскаго митрополита. Частыя требованія голосовъ изъ одной новгородской епархіи не всегда, впрочемъ, удовлетворялись вполне. Новгородскій митрополитъ Іовъ въ 1713 г. писалъ: «нынѣшняго года, по указу царскаго величества, вѣдно намъ выслать изъ пѣвчихъ и изъ подъяковъ тенористовъ четырехъ, басистовъ двухъ, алтистовъ двухъ, дискантистовъ двухъ человѣкъ: и толкаго многаго числа выслать имъ невозможно, понеже изъ нихъ иные въ діаконы и въ іереи посвѣщены, а иные померли, и другіе, послѣ бывшаго во Псковѣ мороваго повѣтрія, посланы на умершихъ мѣста къ тамошнему архіерею, а иные изъ средней и изъ меньшей

ставиць подъяки, пользы ради святаго Христова церкви, упражняются всегда въ еллино-греческой школѣ уже седмое лѣто, въ наученіи грамматическаго и риторическаго художества; обаче и изъ того числа, изъ пѣвчихъ и подъяковъ, избравъ съ нуждою тоцію послахъ семь человекъ, и отписку велѣлъ подать въ санктпетербургской канцеляріи, а имъ, пѣвчимъ и подъякомъ, съ сими писемъ явится вашей господской милости».

Хоръ пѣвчихъ дяковъ, при полнотѣ голосовъ, обладалъ совершенно полнымъ званіемъ современнаго церковнаго пѣнія.

Мелодическое богослужбное пѣніе въ XVII в. было довольно разнообразно по своему техническому устройству. Каждый мелодическій видъ извѣстенъ былъ подъ именемъ распѣва. Такимъ образомъ въ XVII вѣкѣ существовали распѣвы знаменный, греческій, кіевскій, болгарскій, — со всеми ихъ частными подраздѣленіями.

Знаменный, или столповый распѣвъ былъ самымъ употребительнымъ распѣвомъ при церковномъ богослуженіи. Пѣвчіе дяки знали его первоначально какъ пѣніе раздѣльнорѣчное или *холовое*, а потомъ какъ пѣніе истиннорѣчное, или просто нарѣчное. Въ Московской оружейной палатѣ доселѣ хранится нѣсколько безлинейныхъ книгъ знаменнаго распѣва въ его раздѣльнорѣчномъ и истиннорѣчномъ видѣ. Эти книги, несомнѣнно бывшія въ церковномъ употребленіи пѣвчихъ дяковъ, служатъ свидѣтельствомъ того, что дяки знали знаменный распѣвъ во всѣхъ его частныхъ видахъ (большой распѣвъ, ивъ распѣвъ, ивъ переводъ, путь и пр.).

Демественное пѣніе также извѣстно было пѣвчимъ дякамъ въ той мѣрѣ, какъ оно употреблялось тогда въ храмахъ при богослуженіи. Оба эти вида мелодическаго пѣнія, дошедшіе къ пѣвчимъ дякамъ отъ ихъ предковъ, хранились ими, какъ святыни.

Однако же, пѣвчіе дяки были не только пѣвцами-хранителями древняго пѣнія, но и пѣвцами, слѣдившими за современнымъ движеніемъ пѣнія, и усвоившими себѣ все, что было новаго. Около половины XVII вѣка появилось не мало новыхъ распѣвовъ восточногреческихъ и своихъ монастырскихъ.

Кіевскій распѣвъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ Великой Россіи одновременно съ греческимъ распѣвомъ, усвоенъ былъ государевыми пѣвчими, какъ древняя русская святыня, и также исполнялся ими при богослуженіи. При погребеніи патриарха Никона, царь ходилъ вмѣстѣ съ прочими изъ Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря ко Кресту, на Елеонскую гору, гдѣ стоялъ гробъ святѣйшаго. На пути какъ туда, такъ и обратно, «благочестивый государь

пѣлъ со своими клирики стихеру 6-го гласа кіевскимъ согласіемъ: днесъ благодать св. Духа насъ собра, жалостію велією и зѣло умильтельными гласы, яко отъ пѣнія умилныи всемъ слезы точити».

Гармоническое пѣніе, которое столько восхищало и увлекало высшее русское общество XVII в., извѣстно было пѣвчимъ дякамъ первоначально какъ пѣніе строчное, т. е. такое, когда пѣвчій, сообразно съ качествомъ своего голоса, исполнялъ пѣніе по своей отдѣльной строкѣ безлинейныхъ знаковъ или путь, или верхъ, или низъ, или демество. Въ половинѣ XVII в. сдѣлалось извѣстно несовершенство строчнаго пѣнія въ музыкальномъ смыслѣ. «Въ трехстрочномъ пѣніи, писали тогда, ничто же есть согласія, токмо несогласная тригласія, шумъ и звукъ издавающая, и не свѣдующимъ благо мнится, свѣдующимъ же несправно положено разумѣется. Между тѣмъ Великая Россія узнала, что въ Малой Россіи, когда «римляне начаша прельщати вѣрныхъ органными гуденіи въ костелахъ своихъ, ничѣмъ инѣмъ воспятиша ихъ, и паки обративъ къ соборной церкви, токмо многгласными составленіи мускійскими», и что ихъ «умиленные гласы, съ провѣщаніемъ словесъ божественныхъ, тѣхъ гуденіи посрамивъ и обивше обручаша, яко же трие стречи посредѣ пламене пояху богодухновенною мыслию». Царь Алексѣй Михайловичъ немедленно пригласилъ кіевскихъ учителей и пѣвчихъ по партесамъ, и тѣмъ побудилъ своихъ пѣвчихъ научить пѣніе новаго рода. Пѣвчіе вскорѣ обрадовали царя своими успѣхами.

Композиторы въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ, естественно, пользовались славою и уваженіемъ за свои музыкальныя познанія. Здѣсь, можетъ быть, заключается одно изъ сильныхъ побужденій къ тому, что знаніе гармоніи очень быстро привилось и развилось въ средѣ государевыхъ пѣвчихъ дяковъ. По отъѣздѣ композиторовъ, временно находившихся въ царскомъ хорѣ, все ихъ гармоническія познанія остались вполне въ вѣдѣніи русскихъ композиторовъ изъ хора царскаго. Такими были: Михайлъ Снеговъ, Дьяковскій, Степанъ Вѣляевъ и Иванъ Протопоповъ.

Первыя гармоническія положенія XVII вѣка состояли изъ такъ называемыхъ нынѣ переложеній. Они опирались главнымъ образомъ на церковную мелодію (преимущественно знаменнаго распѣва) въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда употреблялась въ храмѣ при богослуженіи. Все звуки церковной мелодіи считались звуками постоянными, непереходными: ибо всякій звукъ мелодіи получалъ свою особенную гармонію. Но когда мелодическіе звуки отличались своею дробностію и состояли, напримѣръ, изъ восьми частей цѣлой ноты,

тогда, и только единственно тогда, первые переложители композиторы принимали их за звуки переходные. Всѣ первыя переложенія церковно-русскаго пѣнія не имѣли музыкальнаго ритма и такта.

Партитура первыхъ переложеній постоянно состояла изъ четырехъ голосовъ: или изъ сопрано, перваго альты, тенора и легкаго баса, или изъ дисканта, перваго и втораго альты и тенора. Партія третьяго голоса всегда исполняла церковную мелодію; она повторялась или въ первой, верхней, партіи въ сикстахъ, или во второй партіи въ терціяхъ. Четвертая партія имѣла весьма игривые ходы и вполне удовлетворяла современныхъ исполнителей, желавшихъ eccellentовать, т. е. eccellenter canere.

Въ музыкальномъ смыслѣ партитура первыхъ переложеній не заключала въ себѣ надлежащихъ совершенствъ. Композиторы, при переложеніи церковной мелодіи въ гармоническій составъ, нѣсколько видоизмѣняли ее въ аккомпанирующихъ голосахъ для гармоническихъ выводовъ; такъ, напр., они допускали въ чисто диатонической, безбемольной и бездвезной, церковной мелодіи диезъ на фа предъ обончаніемъ періода въ соль. Кромѣ того, въ первой партитурѣ не мало чисто гармоническихъ несовершенствъ. Диатоническая мелодія церковнаго пѣнія весьма часто сопровождалась ходами хроматическими, со всѣми свойственными имъ аккордами, такъ что нарушалось частое трезвучіе, столько свойственное диатонической гаммѣ. Въ гармоніи нрѣдко видны ходы запрещенные, октавы и квинты. Основной басъ во всѣхъ гармоническихъ ходахъ весьма рѣдко могъ быть слышанъ, потому что приложенный басъ, или вообще четвертая партія, по своей игривости, не могла оставлять никакого впечатлѣнія основнаго баса и часто подавала поводъ къ сдѣленію несродныхъ аккордовъ. Главная мелодія, по своему положенію въ срединѣ аккомпанирующихъ партій, могла быть мало слышна при исполненіи, потому что часто заслонялась сильными и высокими звуками верхняго голоса, которые нрѣдко совпадали съ весьма слабыми звуками мелодіи. Это послѣднее неудобство устранялось тѣмъ, что при исполненіи въ партію мелодіи, или третьяго голоса, ставили гораздо болѣе пѣвцовъ, чѣмъ въ партію голосовъ аккомпанирующихъ. Здѣсь заключается главная причина, почему въ Московской оружейной палатѣ сохранилось гораздо болѣе партій для тенора, чѣмъ для прочихъ голосовъ. Такъ, напр., изъ 13 отдѣльныхъ партій, содержащихъ въ себѣ благодарственную службу «на примиреніе полтавской баталіи», 8 партій теноровыхъ, 2 альтовыхъ, 2 басовыхъ и одна дискантовая.

Несмотря на все несовершенство первой гармонизаціи, она въ

131
свое время имѣла исключительное употребленіе въ придворномъ хорѣ, и пользовалась вниманіемъ русскихъ царей. Петръ I-й довольно часто становился на клиросѣ при богослуженіи и пѣвалъ съ своими пѣвчими. Такъ напримѣръ, было въ 1701 году, наканунѣ и въ самый праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы, когда Государь съ своими пѣвчими находился въ Соловецкомъ монастырѣ. Соловецкій лѣтописецъ замѣтилъ: «великій государь съ пѣвчими стоялъ на правомъ клиросѣ и изволялъ самъ пѣть всенощное бдѣніе. На другой день, 15 августа, онъ же великій Государь стоялъ и пѣлъ на клиросѣ». Петръ I-й въ партесномъ пѣніи постоянно исполнялъ четвертую партію. Эти партіи, красиво и четко переписанныя, нрѣдко въ кожаномъ или пергаменномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, доселѣ сохраняются въ Московской оружейной палатѣ съ надписью: «по симъ нотамъ изволялъ пѣть государь царь Петръ Алексѣевичъ». Онъ почиталъ церковное пѣніе однимъ изъ общеобразовательныхъ предметовъ для юношества и много заботился о распространеніи его по современнымъ учебнымъ заведеніямъ. Церковное пѣніе включено было въ программу воспитанія царевича Алексѣя Петровича. Учителемъ царевича по этому предмету былъ государевъ пѣвчій дьякъ Никифоръ Кондраговичъ Вяземскій.

Область церковнаго пѣнія, несмотря на весь обширный кругъ церковныхъ пѣснопѣній и напѣвовъ, не удовлетворяла потребностямъ предковъ нашихъ. Они любили слушать пѣніе въ храмѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли благочестивый обычай заниматься церковнымъ пѣніемъ въ своемъ домѣ, среди домашнихъ занятій и во время свободное отъ нихъ. Вопросъ о томъ, что и какъ пѣть въ своемъ домѣ, не могъ затруднить собою ни одного современнаго любителя пѣнія. Любовь къ домашнему пѣнію издавна создала для него опредѣленную систему, по которой дозволялось пѣть въ домѣ духовные стихи, по напѣву своему несходные ни съ однимъ церковнымъ, или богослужебнымъ распѣвомъ. Духовные стихи существовали въ XVII вѣкѣ на нотахъ и весьма часто распѣвались среди мирныхъ домашнихъ бесѣдъ и занятій. Государевы пѣвчіе дьяки очень хорошо знали всѣ современные сборники стиховъ и неоднократно исполняли ихъ въ царскихъ хоромахъ. Въ 1647 г., когда послѣдовало и исполнялось строгое запрещеніе игры на музыкальныхъ инструментахъ, царь Алексѣй Михайловичъ, по случаю своего бракосочетанія съ «Марьею Ильиничною, на своей государевой радости напромя и трубамъ быти не изволять, а велѣлъ государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ государевымъ

пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ, перемежаясь, строчные и деме-
ственные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріудей драгія ве-
щи, со всякимъ благочиніемъ. И по его государеву, мудрому и благо-
честивому разсмотрѣнію бысть тишина и радость и благочиніе вели-
яко и всѣмъ ту бывшимъ дивитися и возсылати славу превеликому,
въ Троицѣ славимому, Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ
его царскаго величества разумѣ и благочиніи».

Пѣвчіе дьяки своими музыкальными познаніями много содѣйстви-
вали къ распространенію домашняго духовнаго пѣнія въ современ-
номъ обществѣ. Около 1680 г., какъ писали современники, «мнози
во всѣхъ странахъ Малыя, Бѣлыя, Черныя и Червоныя Россіи,
паче же въ Велицѣй Россіи, въ самомъ царствующемъ и богоспасе-
момъ градѣ Москвѣ, возлюбляше сладкое и согласное пѣніе польскія
псалтири, стиховно предложенія, обыкноша тѣя псалмы пѣти, речей
убо или мало или ничто же знающе, и точію о сладости пѣнія увесе-
ляющеса духовнѣ». Сумелъ Полоцкій рѣшиться перевести и пере-
вести «псалмы славянскіе на различныя роды стиховъ».

«не дабы тако (псалтири) въ церкви чтеннѣи быти
«но еже въ домѣхъ часто ю читати
«или сладкими гласы воспѣвати».

Различіе въ стихахъ переведенной псалтири оказалось такого
свойства, что только нѣкоторые псалмы могли быть пѣты тѣмъ же
напѣвомъ, какой находился надъ ними въ польской стихотворной
псалтири. «Не всякаго убо псалма польскаго пѣнію, того же числа
славянскій подложеніемъ знаменій (нотъ) можетъ соответствовать, пи-
салъ Полоцкій, яко не вся тѣмъ же преведохъ родомъ стиховнымъ,
ово за трудность превожденія, ово яко не всѣхъ ми псалмовъ поль-
скихъ гласы суть извѣстны. Обаче во иныхъ псалмѣхъ по тому роду
преведенныхъ, мощно естъ желаемое подложити пѣніе». Такимъ об-
разомъ къ стихотворной псалтири Полоцкаго надлежало приладити
напѣвы или прежніе польскіе, или свои, новыя. Этотъ трудъ совер-
шенъ былъ государевымъ пѣвчимъ дьякомъ Васильемъ Титовымъ,
черезъ «композицію, сирѣчь черезъ твореніе». Нотная стихотворная
псалтирь Полоцкаго находилась въ свое время въ большемъ употре-
бленіи между государевыми пѣвчими дьяками. Безъ преувеличенія можно
сказать, что не было тогда почти ни одного пѣвчаго, который бы не
имѣлъ своего собственнаго экземпляра стихотворной псалтири.

Государевы пѣвчіе дьяки писали сами всѣ нотныя книги для цер-
ковнаго и домашняго употребленія, на нотахъ безлинейныхъ и линей-

127
ныхъ квадратныхъ. Такой трудъ, на первый взглядъ, очень есте-
ственъ, но онъ можетъ изумить cadaго своею обширностію, своимъ
искусствомъ и своимъ постоянствомъ. Пѣвчій дьякъ Иванъ Конюхов-
ской, около 1640 г., написалъ безлинейный двоестрочный обиходъ,
на 600 листахъ, съ такою отчетливостію, что, несмотря на мелкій
почеркъ, каждая нота и каждое слово текста очень ясны и доселѣ
еще не утратили своей четкости. Самое путешествіе пѣвчихъ дьяковъ
не прерывало ихъ занятій по перепискѣ. Въ 1722 г. государевъ
пѣвчій писалъ свою партіцію, ѣхавъ «отъ Дербеня къ Астрахани».
Только въ важныхъ случаяхъ, когда переписка нотъ требовала осо-
бенной поспѣшности, хоръ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ находилъ
себѣ помощь въ особенныхъ писцахъ, состоявшихъ при хорѣ. Пере-
ходъ отъ раздѣлнорѣчія къ истиннорѣчію, совершившійся около по-
ловины XVII вѣка, по своей важности, требовалъ усиленныхъ заня-
тій въ исправленіи старыхъ нотныхъ книгъ и въ перепискѣ ихъ на
новое истиннорѣчіе, потому что соборное постановленіе требовало «гла-
совное пѣніе пѣти на рѣчь». По этой причинѣ въ хорѣ пѣвчихъ яв-
ляются особые нарѣчнаго пѣнія мастера и писцы. Новое истиннорѣчіе,
или просто пѣніе на рѣчь явилось первоначально на безлинейныхъ
столповыхъ знаменахъ (нотахъ), безъ сомнѣнія потому, что этотъ
видъ нотъ былъ очень извѣстенъ и привыченъ пѣвцамъ, наравнѣ съ
прочими современными пѣвчими. Но безлинейная система нотописанія
въ то время значительно теряла свою силу отъ введенія нотъ квад-
ратныхъ, писавшихся на линейныхъ строчкахъ. Быстрый переходъ
отъ безлинейныхъ нотъ къ линейнымъ немедленно потребовалъ новой
переписки нотныхъ истиннорѣчныхъ книгъ. Поэтому при томъ же хорѣ
государевыхъ пѣвчихъ въ послѣдней четверти XVII вѣка явились
особые мастера строчнаго пѣнія и письма.

Раздробленіе единого хора государевыхъ пѣвчихъ на разные при-
дворные хоры, совершившееся, какъ мы видѣли, въ послѣдней чет-
верти XVII вѣка, сопровождалось такими послѣдствіями, которыя въ
началѣ трудно было предвидѣть, и которыя затѣмъ еще труднѣе было
предотвратить. Совершенно отдѣльное устройство cadaго придвор-
наго хора прежде всего произвело новыя отношенія между хорами
пѣвцовъ и оказало довольно неблагоприятное вліяніе на нравствен-
ность ихъ. До кончины царя Феодора Алексѣевича, въ хорѣ госуда-
ревыхъ пѣвчихъ вовсе не встрѣчается случаевъ, когда бы пѣвчіе под-
вергались судебнымъ преслѣдованіямъ за церковныя или гражданскія
проступки. Но послѣ того, какъ частныя хоры придворныя получили
надлежащую степень прочности и самостоятельности, въ средѣ пѣв-

чнхъ стало обнаруживаться гораздо менѣ гражданской доблести и нравственной твердости. Въ 1691 г. «великіе государи указали для своего дѣла» прислать въ сибирскій приказъ великіе государыни княгини Марфы Матвѣевны пѣвчато Григорія Леонтьева, сына Корсакова. Современный документъ вполне объясняетъ въ чемъ состояло это дѣло, потому что въ это самое время князь Ромодановскій получилъ наставленіе не пускать пѣвчихъ въ московскій Новодевичій монастырь. Въ наставленіи, по этому случаю, говорилось, между прочимъ: «а пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старини хорошо, лишь бы вѣра была; а не такъ, что въ церкви поютъ: спаси отъ бѣды; а съ панерти деньги на убійство даютъ». Въ томъ же 1691 г. великіе государи указали изъ приказа Мастереніе палаты прислать въ приказъ сыскныхъ дѣлъ къ боярину Дыкову, великіе княгини Марфы Матвѣевны пѣвчева дьяка Ивана Матвѣева для розыску въ смертномъ убійствѣ Константина Оборина.

Увеличеніе нравственной распущенности въ средѣ пѣвчихъ было на столько значительно, что не могло укрываться уже отъ внимательнаго взора гражданскихъ и церковныхъ правителей, которые, очевидно, не могли потворствовать пѣвчимъ и относиться къ нимъ снисходительно. Поэтому въ скоромъ времени придворные хоры, состоявшіе при Софіи Алексѣевнѣ и Марфѣ Матвѣевнѣ, были совершенно освобождены отъ обязанностей придворной службы и, за исключеніемъ немногихъ, отпущены по домамъ. Очень можетъ быть, что при такомъ сплошномъ увольненіи пострадали не мало невпныхъ пѣвчихъ и самое искусство пѣнія.

Энергическая мѣра, принятая противъ нѣкоторыхъ придворныхъ хоровъ, соотвѣтствовала обстоятельствамъ и можетъ найти себѣ въ нихъ оправданіе. Но эта временная мѣра, какъ оказалось въ послѣдствіи, стала обычаемъ относительно всѣхъ придворныхъ хоровъ пѣвчихъ, и постоянно приводилась въ исполненіе, когда частный хоръ придворныхъ пѣвчихъ, по кончинѣ особъ царствовавшаго дома, оставался по видимому безъ назначенія, или не у дѣла. По кончинѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны, принадлежавшіе ей пѣвчіе отпущены были отъ двора. Хоръ великаго государя Иоанна Алексѣевича, по кончинѣ царя также уволенъ былъ отъ дворцовой службы. Хоръ пѣвчихъ Петра I-го могъ казаться болѣе прочнымъ въ своемъ положеніи. Онъ, въ составѣ 20 и болѣе человекъ, постоянно пѣлъ при государѣ, и часто раздѣлялъ съ нимъ труды дальнихъ походовъ, въ Азовъ, Астрахань, Воронежъ, въ Соловецкій монастырь и пр. Но этотъ хоръ по кончинѣ императора, поставленъ былъ тоже въ необходимость оставить

125
службу при императорскомъ дворѣ и искать себѣ пропитанія въ другихъ мѣстахъ. Одни пѣвчіе возвратились въ тѣ хоры, изъ которыхъ поступили въ государевы пѣвчіе; другіе опредѣлились въ гражданскую службу; третьи, вѣроятно, возвратились къ своимъ семействамъ и домамъ. Все это узналось черезъ четверть вѣка послѣ кончины Петра I, когда однажды императрица Елисавета Петровна потребовала отъ св. Синода «извѣстіе о оставшихъ по кончинѣ родителей ея блаженныхъ памяти государя императора Петра Великаго пѣвчихъ, сколько оныхъ понынѣ на лицѣ и кто именно, и по скольку кому жалованья въ годъ производится, и отколь, и сверхъ того, какіе имѣютъ доходы и по скольку». Изъ справокъ, собранныхъ по этому случаю въ Москвѣ въ 1753 г., оказалось, что «по кончинѣ его импер. величества бывшихъ при жизни его величества придворныхъ пѣвчихъ между синодальными пѣвчими на лицѣ въ живыхъ, никого не обрѣтается».

Хоръ пѣвчихъ Петра I представляется достойнымъ завершеніемъ всего, что начато и сдѣлано было для партеснаго пѣнія въ исходѣ XVII в. Это былъ хоръ съ отборными и образованными голосами и совершенно вѣрный исполнитель державной воли и церковныхъ постановленій о богослужебномъ пѣніи. Въ нотныхъ кнѣгахъ этого хора всегда можно прочесть то, чего хотѣлъ великій монархъ, когда рѣшился развить и поддержать партесное пѣніе въ богослужебномъ употребленіи. Государевы пѣвчіе дьяки, подъ наблюденіемъ и при личномъ содѣйствіи самого императора, строго держались опредѣленнаго направленія въ партесномъ пѣніи. Это направленіе по своему характеру и, разумѣется, съ нѣкоторыми улучшеніями въ композиціи, могло бы еще на долго украшать церковное пѣніе, потому что оно успѣло утвердиться въ Россіи повсюду, гдѣ проводили остатокъ дней своихъ государевы пѣвчіе дьяки, или куда заносились ихъ тетрадки, плодъ немалыхъ трудовъ и усердія. Тетрадки нотнаго пѣнія, современнаго Петру I, употреблялись еще въ Москвѣ около 1780 г.

П. Д. Разумовскій.